

ИЗ ТЕАТРАЛЬНОГО

ДНЕВНИКА

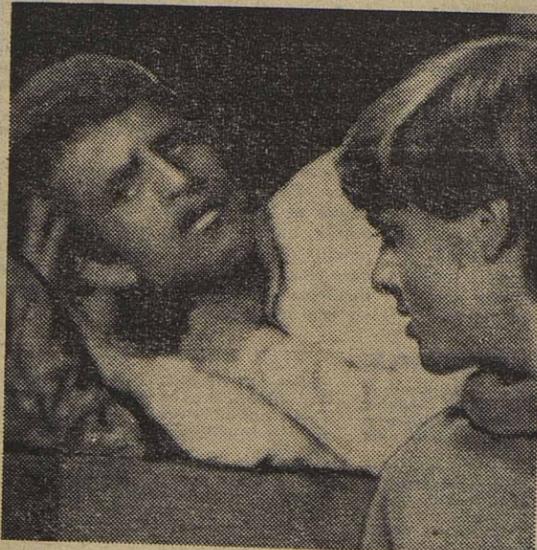
Н. АБАЛКИН

● Р. Н. СИМОНОВ на репетиции.

● Анна МАНЬЯНИ в роли Пины.

● «Характеры». Дед Наум — В. КОНДРАТЬЕВ, Юрка — А. СОЛОВЬЕВ.

Фото М. ЧЕРНОВА

ТЕАТРАЛЬНЫЕ МЕЧТАНИЯ...

Человек интересен не только делами своими, но и мечтаниями о делах своих. Таким удивительно интересным человеком был Рубен Николаевич Симонов — строитель театра, его актер и режиссер, поэт, рыцарь... Он всегда был захвачен делами театра, множественностью всяческих дел и забот. Но в разговоре с ним, о чем бы ни шел этот разговор, — непременно прорвется вдруг давно выношенное мечтание...

— Мечтаю сыграть Акакия Акакиевича... И скажет так, что тебе уже видится его герой на сцене, и ты уже невольно начинаешь думать, каким значительным событием для театра было бы появление этого гоголевско-симоновского «маленького человека». Ведь это его роль. И давным-давно надо было бы догадаться подсказать ее артисту. Подумать только, ведь она могла бы уже войти в историю нашего театра. Поделится он мечтой своей и тут же деликатно предупредит: только не проговоритесь, пожалуйста, никому ни слова об этом.

Ну, и молчишь, не проговариваешься. Хотя иной раз можно и проговориться. Это в том случае, когда своими планами, замыслами, мечтаниями делится Рубен Николаевич в кругу друзей. Вот на премьере горьковских «Детей солнца» — перевернута еще одна страница сценической летописи вахтанговского театра — настроение у главного режиссера мечтательное.

За минуты короткого антракта он успевает рассказать о давно задуманном блоковском спектакле. Спектакле необычном. В него войдут «Балаганчик», «Незнакомка», «Двенадцать». К тому же сам Симонов собирает еще читать блоковские стихи.

Никита Богословский, не зная о замысле вахтанговцев, уже написал, кажется, музыку к «Незнакомке». Он напишет, стало быть, музыку и к этой постановке.

У Симонова уже пал выбор и на художника. Это Сергей Юткевич. Ему предстоит оформить посвященный Блоку спектакль в духе, в манере «мирискусников».

И захваченные Симоновым слушатели, каждый по своему, уже видят Блока на сцене вахтанговцев. Вспоминая прежние симоновские мечтания, спрашиваю Рубена Николаевича:

— А когда увидим вашего «Нахлебника»?
— Времени не хватает, не хватает времени, — сетует он на свою загруженность или, вернее, перегруженность. И тут же добавляет: — У меня есть еще собственная инсценировка «Невского проспекта» и «Шинели». К этому спектаклю будет музыка Тихона Хренникова, он уже пишет ее. Но нет времени, совсем нет времени... Антракт подходит к концу. О чем бы еще успеть рассказать?

И речь заходит о парижской встрече с художником Юрием Анненковым, первым иллюстратором блоковской поэмы «Двенадцать».

В Париже шли гастроли вахтанговцев. А там, где гастролы, — там непременно и пресс-конференция. Пришел на нее и Юрий Анненков, уехавший за границу в 1924 году. Поначалу он задавал московскому режиссеру ехидные вопросы не очень-то мирного свойства. Но, когда Симонов признался, что ему понравилось на спектакле в Гранд-опера оформление художника Шагала, его парижский оппонент снисходительно заметил ему:

— Вы начинаете мне нравиться...
Симонов сразу же в ответ:
— Когда вы узнаете меня поближе, то влюбитесь в меня...

Неожиданная эта реплика вызвала в аудитории веселое оживление, одобрительные аплодисменты.

А что же касается Юрия Анненкова, он действительно влюбился в Симонова, в вахтанговцев.

После представления «Иркутской истории», взволнованный, растроганный, прошел он за кулисы и со слезами на старческом лице поздравлял, благодарил талантливых посланцев театральной Москвы.

Рубен Николаевич, конечно же, не готовил заранее ту реплику, что так неожиданно была брошена им в ответ русскому парижанину. Она сорвалась, как принято извинительно говорить в подобных ситуациях, «в пылу полемики».

Пыл былой полемики на парижской пресс-конференции давно уже угас. Но за той нечаянной репликой можно многое прочесть сегодня.

Счастливым художником был Рубен Симонов. В его искусство, в художническую его личность действительно можно было влюбиться. И благодарные зрители годами влюблялись в него.

Если же у художника нет вот этого счастливого дара духовного, эмоционального воздействия на своего современника, если ни в ком не вызывает он высокого чувства эстетической влюбленности, то какой же это художник?..

ВОЛЧИЦА АННЫ МАНЬЯНИ

Снова гости в нашем Малом театре... Драматическая труппа Франко Дзеффирелли из Рима после «Ромео и Джульетты» показала «Волчицу» Джованни Верга с Анной Маньяни в главной роли. Появление в драматической труппе знаменитой киноактрисы, прославившейся в фильмах итальянского нео-

реализма, вызвало особый интерес к спектаклю римлян.

Франко Дзеффирелли поставил и оформил «Волчицу» в добрых традициях прошлого сценического реализма, выглядевшего в наши дни несколько старомодным. Нескрываемое увлечение бытовой достоверностью сценической обстановки подвело постановщика чуть ли не вплотную к натурализму.

Такое же вот пристрастное увлечение бытом, натуральностью сродни было в прошлом многим театрам, заслужившим широкую известность. Пожалуй, так же «натурально» на парижской сцене выглядели в свое время спектакли Андре Антуана...

Быт на сцене, конечно же, не помеха высокой художественности театрального представления. У быта есть своя привлекательность, свое чудесное обаяние. Им совсем не зазорно увлекаться и совсем не зазорно любить его, если только любовь эта не будет бескрайней, чрезмерной, бесконтрольной...

Но — вернемся к «Волчице»... Слово ожившая картина превосходного старого мастера-живописца выводит начало спектакля. Театральный занавес открывает вечернее небо с пробивающейся сквозь тяжелые облака луной... Справа — невысокая каменная ограда, куча золотистых снопов — слева, небольшой пригорок черной сицилийской земли — в центре. Здесь собираются возвращающиеся с работы крестьяне. Костюмы их предельно натуралистичны, и по всему видно, что театр добивался такой не эстетической жизненности с нескрываемой любовью...

Так же живописен быт и во втором действии «Волчицы». Бедный крестьянский дворик. Голубовато-серое небо, розовато-серые стены подражавшего домика, бумажные гирлянды цветов у окон, у иконы мадонны. Старая телега, непримечательный деревенский скарб по углам, потемневшая черепица некогда нарядной крыши. И сделано все это удивительно добротной, старательно, со вкусом.

Но мы пришли на встречу с Анной Маньяни... В роли тетушки Пины, этой иступленной волчицы, обуреваемой страстью к молодому своему зятю Нанни, которому сосватала дочь, она предстает перед зрителем истинно драматической актрисой. Свообразие ее дарования сказалось в предельной сдержанности чувств, властном подавлении пламени драматизма. Он сжигает, испепеляет ее изнутри, почти совсем не прорываясь наружу. Все в ней — ожидание взрыва. Вот вот он грянет. Но мы так и не услышали его, он лишь предупреждал о себе далекими раскатами...

Поначалу роль исполняется в полной сопричастности той достоверной бытовой среде, которая создана на сцене. Первые реплики актрисы еле слышны, произносятся с подчеркнутой обыденностью, роль еще не озарена светом большого искусства.

Лишь потом, как-то незаметно, все меняется, и роль входит в новое русло, достигает резкого контраста всему тому, что окружает эту гордую исстрадавшуюся женщину в строгом черном одеянии.

Словно из античной трагедии пришла она сюда, в бедное сицилийское селение. И вместе с ней, с ее приходом трагедия вступает в свои права. Все мелочное, частное, случайное покорно отступает перед ней. Роль поднимается до высот художественного, социального обобщения. Нас захватывает бескомпромиссный вызов, страстный протест человека, так сильно жаждущего любви и счастья...

Тетушку Пину — так написана автором ее роль — прямо-таки опалает, сжигает любовь к Нанни. В этом простоватом деревенском паренке заключен весь смысл ее существования, она думает только о нем, живет им одним.

Но у Маньяни ни в чем, кажется, не сказывается озабоченность этой любовью, она не дает о себе знать. У нее только боль любви, и на скорбном ее лице не заметишь даже мимолетной улыбки любви. За весь спектакль она ни разу, ни на миг не полюбовалась любимым. Трагический исход ее любви предопределен и задан уже с самого начала, с первого появления на сцене. Это обеднило краски палитры актрисы, но не ослабило нагнетания трагизма, которым так властно захватила Анна Маньяни своего зрителя.

...Кино сделало ее знаменитой. Но она еще не стала столь же знаменитой на драматической сцене. И все же театр актриса предпочла шумной славе кино.

Не в театре ли, не в обаянии ли и волнении живого общения со зрителем осенила ее мысль о могуществе реализма!

Это она, блистательная звезда экрана, появившаяся вдруг на театральном небосклоне, подвела мужественный итог своим художническим исканиям, сказала обществу об обретенном ею эстетическом идеале: «От реализма никуда не уйдешь. Можно искать другие пути, проводить эксперименты, но он в конце концов обязательно предьявит свои права, и с этим ничего не поделаешь».

С этим действительно ничего не поделаешь, уважаемая синьора Маньяни!

Вы сказали об этом еще раньше, до появления на страницах газет приведенных здесь ваших строк; сказали тогда, в роли Пины, на гастролях в Москве. Помните, как аплодировали вам москвичи?..

Это была любовь за любовь. Как хорошо вы сказали в те дни по дороге в Москву: «Я не могу жить без искусства, ибо не могу жить без любви к людям...».

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ ПЬЕСА...

Драматургия — как и все в искусстве — начинается с человека. Есть в пьесе человек — есть, стало быть, и пьеса.

А конфликт?..

Конфликт остается конфликтом, без него никак не обойтись. Заложенная в нем энергия остродейственного отражения действительности движет пьесу, поднимает ее, обращает в сферу жгучих социальных или же нравственных, духовных проблем современной жизни.

Но сам-то конфликт движим в свою очередь человеком. Значимость и суть конфликта постигаются нами в столкновении разных людей. Вот и выходит, что пьеса действительно начинается с человека, с его характера.

Никакое это, разумеется, не открытие, не откровение, а просто подтверждение того, что есть в драматургии. Вернее, того, что непременно в ней должно сказаться.

Потому-то, видимо, такое доверие, а вместе с доверием и предощущение интересного и вызывает театральная афиша с удивительно простым и одновременно многозначимым названием — «Характеры».

Это «Характеры» В. Шукшина.

Так называется его пьеса?..

Нет, не пьеса, — талантливый самобытный прозаик не спешит пока что всерьез заявить о себе в драматургии, занять в ней давно predetermined ему место.

Вместо законченной пьесы театр предлагает зрителю двухчастную драматическую композицию режиссера Андрея Гончарова, счастливо сделанную им по шукшинским рассказам и им же поставленную с театральной молодежью на Малой сцене Московского театра имени Вл. Маяковского.

Да, «Характеры» — не пьеса. Не пьеса, написанная как положено, по общепринятым эстетическим установлениям теории драмы. А вот, поди ж ты, каким мощным дыханием большой драматургии захвачены эти инсценированные рассказы-были о нынешнем деревенском житье-бытье!

Если вслед за Горьким человековедение полагаем мы высшим назначением литературы, то попробуем решить определить рассказы В. Шукшина как уроки познания природы и диалектической сути человеческого характера.

Уроки прежде всего интереснейшие, пробуждающие живую мысль слушателя, рассчитанные на свободу и живость его воображения.

Тот, кто побывает в деревне В. Шукшина, встретится и познакомится там с его односельчанами, останется только признательным ему. Признательным за новизну и свежесть приобщения к жизни, к тому, что ранее или не успел еще, или же просто не сумел открыть и разглядеть в ней.

Что ни человек, то характер в шукшинской деревне, да еще какой характер-то! Ну, вот вспомнить хотя бы пытливого столяра Андрея Ерина, озабоченного приобретением микроскопа, принявшего ни с того ни с сего за исследование жизни микробов... Или взять еще, к примеру, фельдшера Козулина, всполошившего в тихий ночной час всю деревню своим торжествующим ружейным салютом в честь того врача, что пересадил человеческое сердце... А прижимистый хозяин бани, нашедший столь неожиданное удовлетворение своим мелкособственническим вожделениям и задумывавшийся при этом — с оркестром или без оркестра будут его хоронить?.. Да и Лизавета Киселева, своекорыстная теща мечтающего о баяне Вени Зябликова, характерец такой, что не знаешь, с какой стороны подступиться к нему. Первой в свое время пришла она в колхоз: значит, женщина сознательная, передовая, в пример можно было ставить ее. А к чему пришла она теперь?..

Дар острой наблюдательности, да еще обогащенной счастливым даром превеликого интереса к людям, привел В. Шукшина к тому, что в живых характерах, воплощаемых им, бьется нерв драматургии! Чуть ли не все они готовы у него появиться на сцене.

Вот потому-то режиссерская драматическая композиция, посвященная этим характерам, в восприятии зрителя становится чуть ли не законченной пьесой. В ней есть глубокое дыхание жизни и представляющие жизнь живые, невидуманные характеры. И она куда интереснее, поучительнее иных мнимопроблемных, мнимосовременных пьес, исходящих из давно уже знакомых, использованных схем и чужих опытов и только скользнувших небрежно по поверхности действительности.

После успеха «Характеров» дело остается за малым — действительно уговорить В. Шукшина взяться за новую пьесу.

А может быть, и не следует угсваривать его на что-то, навязывать ему свои коррективы в литературные замыслы и мечтания? Пусть уж лучше по-свойски подскажут ему это его характеры, они-то лучше знают его, им виднее, с какой стороны подойти к нему...

Вспомнилось сейчас весьма оригинальное название знаменитой пьесы итальянца Луиджи Пиранделло — «Шесть персонажей в поисках автора».

В шукшинской деревне персонажей, достойных сцены, несравнимо больше. И им совсем ни к чему тратить свою энергию и время на поиски автора. Он у них есть — свой, земляк, односельчанин, и ему не пристало вроде бы подводить их. Пусть идут на сцену, раз есть у них на это желание и право!

Понадеявшись на них, не будем назойливо уговаривать автора отложить до поры до времени в сторону свои прозаические дела ради драматургии.

Есть кому уговорить его и без нас. Верится, на премьер «Характеров», рожденных его талантом, характеры эти уже успели что-то новое и весьма интересное подсказать своему автору. Понадеемся, что дружеский намек их дошел до его души и сердца, усадит его за письменный стол.

...В программке, выпущенной к спектаклю, — ни одного знакомого актерского имени. Все исполнители ролей — практиканты театра, студенты — выпускники столичного театрального института, будущие актеры и режиссеры.

Пусть будущие! Но будущность их уже началась в «Характерах», и началась счастливо, в живом увлекательном приобщении к жизни, под первые дружелюбные аплодисменты крохотного, совсем студийного, по своим масштабам, зрительного зала.

В театр приходят молодые одаренные силы. В этом убеждает представление «Характеров». Одаренность молодых сказалась в сценическом приобщении к живому материалу жизни, данному им с такой художественной щедростью писателем-современником.

С первых же шагов на сцене ощутить живительный дух современности — как это важно для становления молодого актера и молодого режиссера! Не с этого ли, самого главного в конечном счете, и начинается истинное постижение сути сценического мастерства? Если речь, разумеется, идет при этом не о холодном, бескрылом ремесленнике — о художнике.

Режиссерский, да и не только режиссерский, но и педагогический опыт Андрея Гончарова, осуществленный в «Характерах», оказался вполне успешным. И успешность этого опыта определяется тем, что он легко и свободно вышел за грани учебного институтского задания и занял свое, пусть и скромное, место в жизни театра, даже больше, пожалуй, — в нынешнем театральном сезоне. С этим следует поздравить и учителя, и его учеников...